

В. Е. СЕМИЧАСТНЫЙ

Беспокойное сердце

<Фрагменты>

Восстановление Донбасса

<...> В декабре 1946 года меня избрали делегатом на XIII съезд комсомола Украины. В состав нашей делегации входили известная всей стране Паша Ангелина¹, забойщик Н. Лукинев, составитель поездов Зайцев и другие.

Ехал я на вокзал в одной машине с Пашей Ангелиной. И надо же так случиться, что по дороге в ветровое стекло влетел конец оборвавшегося трамвайного провода. Стекло — вдребезги, но мы остались целы благодаря тому, что ехали на заднем сиденье. Чуть на поезд не опоздали.

На съезд комсомола Украины в Киев приехала делегация от ВЛКСМ из Москвы. Возглавлял ее первый секретарь ЦК Николай Александрович Михайлов, с ним были и секретарь ЦК Александр Николаевич Шелепин, и главный редактор «Комсомольской правды» Борис Бурков. С Шелепиным я тогда встретился впервые. Мы познакомились и сошлись довольно близко. Потом подружились, и наша дружба длилась до самой его смерти в 1994 году.

В конце работы съезда эти товарищи пришли к Никите Сергеевичу Хрущеву, который был в то время первым секретарем ЦК КП Украины, с вопросом: завтра, мол, заканчивает работу комсомольский съезд, надо согласовать, кого включить в состав секретариата ЦК. На должность секретаря ЦК по кадрам готовили тогда нашего донецкого парня Никонова. Он был 1916 года рождения. Все другие претенденты — тоже далеко не комсомольского возраста.

Хрущев просмотрел список кандидатов и говорит:

— Что вы все стариков предлагаете? Так не пойдет. Давайте кого-нибудь помоложе.

Тогда первый секретарь ЦК комсомола Украины Костенко говорит ему тихонько:

— Да есть у нас один, но очень уж молод.

— Кто такой?

— Первый секретарь Сталинского обкома комсомола.

— Как же так? В городе Сталино он может быть первым, а здесь секретарем по кадрам не может? Где он?

— Он делегат съезда. В гостинице.

— Привезите его сюда.

И вот ночью меня вытаскивают из гостиницы и везут к Хрущеву. Так состоялось наше знакомство.

Зашел я в кабинет. За длинным столом сидят Н. С. Хрущев, Н. А. Михайлов, А. А. Епишев — секретарь ЦК КП Украины по кадрам и вся свита. Я сел в конце стола. Хрущев пригласил меня подсесть поближе. Я замялся:

— Мы тут поужинали с ребятами...

— Небось выпили немного? Ничего, ничего, — засмеялся он, — мы все не святые. Здесь идет разговор о другом. Как ты смотришь, чтобы тебя назначить секретарем ЦК по кадрам?

— Да я еще первым секретарем обкома толком не работал. Неудобно перед товарищами.

— Ну это мы договоримся, — заключил он. — На то и съезды собирают.

Короче — «окрестили» меня: на следующий день на пленуме избрали секретарем ЦК ЛКСМУ по кадрам. <...>

Первым секретарем ЦК партии на Украине был тогда Никита Сергеевич Хрущев, вторым секретарем — Демьян Сергеевич Коротченко, кадрами заведовал Алексей Алексеевич Епишев, по пропаганде было два секретаря — Иван Захарович Литвиненко и Назаренко.

Хрущев особое внимание придавал вопросам идеологии. Сколько я его помню, всегда на этих вопросах «сидели» два человека, а то и три, да еще в Политбюро кто-то тем же занимался. Видимо, он понимал, что кое-чего сам не добирает, потому сажал на это место подготовленных людей и уделял им должное внимание.

В 1946 году Украина перенесла необычайно сильную засуху. Последующий год тоже не принес облегчения. Не выполнялись планы по поставкам зерна, плохо было с кормами, что тяжело отражалось на животноводстве.

Главной причиной бедственного положения в сельском хозяйстве И. В. Сталин считал не засуху, а плохую работу партийно-комсомольских руководителей на местах и отрыв биологической науки от практических нужд.

После войны партия сознательно держала курс на выдвижение молодых, в том числе и в науке, чтобы с их помощью, опираясь

на их энтузиазм и энергию, преодолеть послевоенную разруху и решить прежде всего проблему продовольствия.

С этой точки зрения Т. Д. Лысенко отвечал потребностям времени. Н. С. Хрущев его всячески поддерживал. К тому же Лысенко продемонстрировал определенные достижения в своей области: добился повышения урожайности, создал новые сорта сельскохозяйственных культур, разработал ряд новых агротехнических приемов.

Однако в связи с невыполнением Украиной плана по поставкам зерна Н. С. Хрущева освободили с поста первого секретаря ЦК республиканской партии, прислав на его место Лазаря Моисеевича Кагановича. Правда, Хрущева оставили председателем Совмина Украины и членом Политбюро ЦК ВКП(б). Вторым секретарем по сельскому хозяйству к Кагановичу направили Николая Семеновича Патолочева, инженера, строившего всю войну танки. И хотя это казалось странным, но нужно было понимать, что секретарь ЦК — это не агроном или инженер, а организатор. <...>

Период, когда Каганович руководил Украиной, был для меня временем постоянного недосыпа. Новый «первый» требовал от своих подчиненных, чтобы они были в его распоряжении практически в любое время дня и ночи. Хрущев обычно завершал свой рабочий день около полуночи и утром приступал к работе вместе с остальными сотрудниками, Каганович же мог заправлять делами до семи утра, а потом отсыпаться до полудня.

К этому времени у нас с женой появился ребенок, и жить в гостинице стало крайне неудобно. Узнав об этом, Каганович потребовал, чтобы мне дали квартиру. И мне дали громадную квартиру в пять комнат. Я забрал к себе отца с матерью. Часто гостили у нас братья, сестра. А на большие праздники: 7 Ноября, 1 Мая, дни рождения все съезжались семьями, с детьми. Это было счастливое время.

В январе 1950 года ушел из жизни отец.

Когда сын наш немного подрос, жена стала работать в Киевском политехническом институте.

Однажды среди ночи я понадобился Кагановичу. Меня искали на работе, но не нашли, так как я спал дома. Шум поднялся страшный: как это так, высший партийный руководитель должен ждать меня целых полчаса! А ему нужно было лишь что-то уточнить, какую-то мелочь. Сейчас даже не помню, по поводу чего была эта паника. Но урок я извлек — поставил койку рядом с кабинетом! Правда, лечь я все равно мог не раньше пяти утра, потому что до первых петухов звонил в приемную Кагановича и спрашивал: «Сидит?» Отвечали: «Работает».

А Хрущев оставался при своем регламенте: в 10 часов появлялся на работе, в 4 часа уезжал на обед, в 6 часов возвращался и в 10 вечера уезжал домой. Весь Киев мог часы проверять по хрущевской машине, весь Киев знал, что Хрущев едет на обед или с обеда.

Таков был распорядок дня двух руководителей республики.

А что делать остальным? Особенно тяжело доставалось министрам. Они ведь были нужны то Хрущеву, то Кагановичу. И получалось, что те, бедняги, круглые сутки дежурили в своих кабинетах.

В довершение всего Каганович запретил проезд автомашин по той улице, на которой он жил. Секретари ЦК комсомола, приезжавшие на работу (а здание располагалось как раз на этой улице), вынуждены были следовать пешком, а их машины целый день болтались где-то на соседних улочках.

Так продолжалось несколько месяцев.

Первым против Кагановича восстал Патоличев. Затем число протестов стало возрастать: протестовали интеллигенция, часть партийного актива. Создалась весьма нервная обстановка. Видно, все это показало Сталину, что Украина Кагановича не приняла.

Где-то перед ноябрьскими праздниками я был у него на приеме часа в четыре утра. Утром узнаю, что в шесть он был уже на аэродроме и 7 Ноября стоял на Мавзолею во время парада. Не остался в Киеве даже на праздник...

Школа Хрущева

Девять месяцев спустя после своего смещения, в декабре 1947 года, Никита Сергеевич Хрущев снова стал первым секретарем ЦК КП Украины. И. В. Сталин признал его авторитет в республике. Он не хотел, чтобы там нарастала напряженность, которая подпитывала бы националистические настроения. Возвращение Хрущева было воспринято на Украине с большим удовлетворением.

Примерно через неделю после водворения Хрущева я позвонил ему с просьбой о приеме, так как вопросов набралось достаточно. Звоню часов в десять вечера:

— Никита Сергеевич, можно к вам?

— Когда?

— Сегодня можно?

— Нет. Имей в виду, ночью условимся спать, а работать будем днем. И сегодня я через полчаса уезжаю и тебе советую. А впредь ты можешь даже раньше меня на час-два уходить с работы. Ты помоложе, и нечего тебе здесь засиживаться. А завтра-послезавтра мы с тобой встретимся. Поверь, тут запомнят, что ты звонил.

И действительно, на второй день мне звонок:

— Никита Сергеевич просит вас подъехать...

С отъездом Кагановича все встало на свои места. Коротченко ушел на пост председателя Совмина Украины, а Мельников стал вторым секретарем ЦК КП республики и начальником Управления по проверке партийных органов в аппаратах ЦК.

Говорят, Сталин предложил Хрущеву на должность второго секретаря Задиянченко, но Хрущев сказал, что «чужих» ему не надо: «Найдем своего человека».

Я пробыл первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины при Хрущеве с октября 1947 по январь 1950 года. Два с половиной года. Съезд партии Украины в 1948 году избрал меня кандидатом, а затем членом ЦК КП Украины.

Избрание меня в ЦК партии произошло довольно курьезно. Никита Сергеевич, выйдя на трибуну, перепутал карманы: в одном из них был список Оргбюро ЦК, в другом — Политбюро. Объявив о составе Политбюро, он стал зачитывать список (а многие фамилии там повторялись), но, дойдя до моей фамилии, остановился:

— Э нет, этому еще рано, это не тот список.

И достал список из другого кармана:

— Вот это действительно Политбюро ЦК.

Хрущев много внимания уделял моему воспитанию. Часто я слышал по телефону:

— Если у тебя есть время, приезжай — я тут двух министров приму, а ты посидишь.

После встречи иногда спрашивал:

— Твое мнение?

Я вначале робел, а потом стал анализировать более смело. Становился более самостоятельным. Нелегко это давалось.

Как-то принес ему перечень вопросов для рассмотрения. Докладываю. Первый — не подходит, второй — тоже нет. Чувствую, он какой-то взъерошенный весь. Так дошли до шестого вопроса, и вдруг он взорвался:

— Подожди-подожди, почему ты не отстаиваешь, не защищаешь? Вы ведь готовили это с секретарями ЦК, обсуждали эти вопросы. Вы их продумывали, и аргументов было полно, а теперь сдаешься при первом же моем возражении.

— Ну как же мне с вами спорить...

— Нет, давай все сначала. Ты докажи, что прав. Да и я сейчас буду слушать внимательно, а то меня тут взвинтили.

Ну, я заново начал докладывать, и почти все вопросы решили положительно.

Он мне всегда говорил: «Ты спорь со мной, отстаивай свои позиции. Мы же не частные лица: ты — секретарь комсомола, я — секретарь партии. Ты от имени кого пришел? И куда пришел? Ты пришел в партию, так и отстаивай комсомол!»

Нет цены тому политическому опыту, которым в послевоенные годы делился со мной Хрущев! Вначале наши отношения можно было сравнить с отношениями отца и сына. Никита Сергеевич часто приглашал меня к себе в кабинет, иногда только для того, чтобы я мог, укромно устроившись, слушать, как он ведет беседы с министрами, с другими важными политиками.

И всю его науку я старался донести до комсомольцев. Когда в феврале 1949 года состоялся XIV съезд ЛКСМ Украины, я выступил с докладом, в котором особо остановился на необходимости совершенствования квалификации молодых рабочих, овладении новаторскими методами, борьбе с нарушителями трудовой дисциплины. Я говорил о том, как важно воспитывать молодежь, как необходимо, развернув массовую работу, заботиться о каждом человеке отдельно.

Хрущев очень доверял мне. Он никогда не давал комсомол в обиду.

Помню, как на одном из совещаний секретарей райкомов партии я в своем выступлении привел факт, когда один секретарь райкома комсомола имел восемнадцать взысканий за то, что как уполномоченный райкома партии не обеспечил выполнения плана по заготовке яиц, шерсти, прополке и т. п. Под хохот всего зала я объяснял присутствующим: поймите, у нас в райкоме комсомола всего два-три работника. Если один из них будет непрерывно работать как уполномоченный, то кто же будет проводить бюро райкома, прием в комсомол, заниматься, в конце концов, молодежью?

После моего выступления взял слово Н. С. Хрущев:

— Мне прислал сейчас записку секретарь райкома, о котором здесь говорили. Он пишет, что взысканий было не восемнадцать, а шестнадцать, в том числе выговоров только пять, а остальные — «предупредить» и «указать». Я даже не буду эти глупости перечислять. Что же вы в обкоме смотрите, если у вас такой человек сидит во главе районной партийной организации? Ведь ему руководить комсомолом надо, а не делать из райкома комсомола «контору по заготовке рогов и копыт». И потом, зарубите себе на носу, что в делах молодежи, защиты ее интересов мы верим больше секретарю ЦК комсомола, чем вам.

Ну, конечно, этого горе-руководителя на другой день освободили от должности, сделали выводы и все такое прочее.

Однажды мы обсуждали на пленуме работу Комитета по кинематографии, и в его адрес было высказано много критики. Присутствовавший на пленуме Хрущев спросил:

— Почему вы не можете вызвать на бюро ЦК комсомола председателя этого комитета Кузнецова и объявить ему выговор? Ведь если вам на обед каждый день давать редьку, вы возмутитесь? А он ведь каждый день вам редьку дает!

— Так вы же меня за это и накажете, — бросил я реплику из президиума.

— Накажу, но через месяц сниму выговор. А вот если мер не будете принимать, объявим выговор и не будем его снимать пять лет.

Он требовал, чтобы любой министр шел ко мне в ЦК, а не я шел к нему, если вопрос касался молодежи.

Сохранением доброй памяти о комсомольцах-подпольщиках «Молодой гвардии» мы целиком обязаны Никите Сергеевичу. Если бы он напрямую не обратился к Сталину, эта организация, как и многие подобные ей, канула бы в неизвестность, попав на проверку в МГБ (Министерство государственной безопасности — так назывались органы государственной безопасности с 1943 года до самой смерти Сталина). А там сразу: кто кого предал, кто кому изменил и т. д. И это могло тянуться годами! Но поскольку указы были подготовлены своевременно и подписаны быстро Хрущевым и Сталиным, дело завершилось благополучно.

Членов «Молодой гвардии» наградили еще во время войны, многих — посмертно, некоторым были присвоены звания Героев Советского Союза². В Краснодар был послан писатель Александр Фадеев с целой бригадой ЦК ВЛКСМ, которая собирала материал для его книги.

Правда, были и издержки: например, в число славных молодогвардейцев не попал В. Третьякевич³.

Я приглашал в ЦК ВЛКСМ людей для выяснения дела, разговаривал, например, с литсотрудником «Комсомольской правды» Костенко, который негативно освещал историю «Молодой гвардии», заявляя, что многое в этой истории выдуманно. Я сказал ему: «Прекратите эту свою затею с развенчанием "Молодой гвардии", на подвигах которой мы воспитали миллионы ребят. Вы хотите поставить под сомнение все, что сделали молодогвардейцы? Да, могут быть издержки и в таком деле. Но коли ты поднял знамя, то не следует его опускать». А то им Матросов — не Матросов, «Молодая гвардия» — не «Молодая гвардия», и пошло-поехало...

С ведущими архитекторами Киева мы разработали проект увековечения памяти молодогвардейцев в Краснодаре: нарисовали планы, сделали макеты, принесли все это в кабинет Хрущева,

и главный архитектор Киева А. В. Власов приступил к рассказу. Доклад длился около часа. Хрущев молчал. После доклада он поворачивается ко мне с неожиданным вопросом:

— А сколько город Краснодон будет жить? Кроме шахт, там есть еще какие-нибудь предприятия?

— По-моему, нет ничего.

— Имей в виду: шахтеры, что цыгане. Дело есть — будут жить на этом месте, а нет — фундамент свой даже выкопают и уйдут от шахт. Ты что хочешь, чтобы в степи остались музеи, дворцы, а города не было? Пока не договоришься с министром промышленности Засядько, чтобы там построить какой-нибудь машиностроительный завод, до тех пор никаких монументов не надо возводить. Ты был на Бородинском поле? Что там видел кроме памятных знаков? А для истории Отечества это место не менее важно, чем «Молодая гвардия».

Между прочим, после Хрущева, наставили в Краснодоне памятников, но завода так и не построили, но это уже другая история.

Природа наградила Никиту Сергеевича пытливым, аналитическим умом. Он быстро схватывал суть вопроса. Был непоседа, удивительно общительный человек. Идти к нему на прием — это целое дело. Готовишься, как к государственному экзамену! Никогда не знаешь, какой стороной он повернет вопрос.

Это позже к Брежневу можно было являться с двумя анекдотами — его интерес никогда не выходил за рамки того, что ему докладывали.

Пленумы ЦК партии Украины, на которые меня всегда приглашали, были для меня большой школой. Слушаешь, записываешь, учишься. Хрущеву нравилось, когда комсомол находил свое место в общем деле, вносил конкретные предложения.

Так было со строительством тридцати семи шахт в Донбассе⁴, так позже было с целиной. Он любил и поощрял конкретные дела. В этом смысле с ним легко было работать, потому что он умел находить общий язык с любой категорией людей.

Некоторое время спустя, уже поднабравшись опыта, я воспользовался его наставлениями. Однажды на приеме у него говорю:

— Никита Сергеевич, вы подписали записку в ЦК ВКП(б) с предложением объединить русскую и украинскую молодежные газеты в одну, на двух языках, чтобы в целях экономии устранить дублирование. Тут же предлагается объединить так же две детские газеты.

— Да, я подписал. А что тут плохого?

— Плохо то, что со мной никто это не согласовал.

— Что значит «не согласовал»? — насутился он. — Что вы понимаете? — сразу перешел на «вы». — Вы знаете, сколько стоит содержание этих газет?

И начал читать мне нотацию.

Тогда считалось, что комсомол живет на дотации. Хитрая была такая уловка, которую я раскусил только в ЦК ВЛКСМ. Оказывается, все доходы от изданий молодежных газет и журналов шли в партийный бюджет. Уже работая в Москве секретарем ЦК ВЛКСМ, я добился того, что все доходы от издания «Комсомольской правды», «Пионерской правды» и всех других молодежных газет на местах поступали в комсомольский бюджет. С этого времени мы уже никому не были должны.

Я стал ему возражать:

— Никита Сергеевич, ведь газеты не мы с вами учреждали, а при нас они будут закрыты. А в истории останется, что мы с вами похоронили две молодежные газеты, и в придачу — две детские.

— Да я уже подписал, и бумаги ушли в ЦК ВКП(б)! Ты понимаешь, что это такое?

— Вы подписали, а мне никто об этом даже не сказал.

— Ты что, не знал вообще? А ну-ка давай мне подшивки газет. Объясни, почему их нельзя объединить?

Я объясняю, что, во-первых, украинский текст короче русского. В русской газете текст занимает целую колонку, в украинской газете этот же текст займет только половину колонки, а половина останется пустой. Значит, ее нужно будет заполнять каким-то новым текстом. А это уже не дублирование.

С детской газетой еще труднее, продолжал я. В ней ребусы, кроссворды и т. д. Все придется делать заново. Следовательно, придется сохранять те же штаты и прочее. Сейчас эти газеты имеют свой актив, своих корреспондентов. Все это придется разрушить, да еще и перессорить их между собой.

— Подожди, а может быть, твои девчата, Лидия Гладкая или Людмила Шендрик, были знакомы с этим вопросом? Может быть, это они дали согласие?

— Да они сами прибежали ко мне и возмущались таким решением.

— А, так, значит, это Назаренко подсунул мне!

Видю, разозлился Хрущев. Поднимает трубку телефона, и при мне состоялся неличеприятный разговор с Назаренко. Хрущев приказал ему отозвать записку. Тот стал возражать, доказывая, что это невозможно.

— Я знаю, — говорил Хрущев, — что ЦК ВКП(б) ни умные, ни дурные записки не возвращает. Если они попали туда, зарегистрированы, там и остаются. Но если будет принято решение об объединении молодежных и детских газет, мы тебе объявим на Политбюро по меньшей мере строгий выговор! Я ставлю тебе

задачу: ты подсунул мне этот документ без согласования с комсомолом, ты и выкручивайся, как хочешь!

На следующий день ко мне врывается секретарь ЦК комсомола по пропаганде и с возмущением говорит, что Назаренко от него требует подписать задним числом документ о том, что он якобы дал согласие на это слияние газет.

Я снова к Хрущеву, рассказал этот случай:

— Никита Сергеевич, почему после разговора с вами товарищи из аппарата ЦК подсовывают моим работникам на подписание бумаги, чтобы перед вами комсомол глупо выглядел?

Я не знаю всех подробностей дальнейшего хода событий, но записка не рассматривалась в ЦК ВКП(б) и газеты были сохранены.

Это пример того, каким плодотворным может быть возражение начальству.

Правда, уже позже Хрущев мне как-то попенял:

— Ну и нахрапистым ты стал!

— Вы же сами учили меня возражать вам и отстаивать интересы молодежи. Если я не буду этого делать, меня актив закроет. Скажут: «Ты что там — за сторожа сидишь?»

Он засмеялся:

— Вот на свою голову научил...

Как-то Хрущев мне помог в, казалось бы, безнадежном деле.

После войны вся наша семья снова встретилась на Украине. Исключением, как я писал выше, стал только брат Борис. Мы получили известие о том, что он осужден на 25 лет лишения свободы и отбывает наказание в Сибири, в лагере, работает на рудниках Хабаровского края. Раненый, он попал в плен в первых же боях, а после освобождения из плена его отправили в наши лагеря, так как кто-то на него наговорил, что он-де сотрудничал с немцами.

Это было страшное известие, особенно для матери. Она часто со слезами на глазах просила меня попытаться помочь брату, хоть как-то облегчить его положение. Она хотела, чтобы Бориса хотя бы перевели в подобный лагерь поближе к дому, в Донбасс, строить шахты. Там в то время и заключенные работали.

Я обратился с двумя письмами в управление МГБ Хабаровского края. В то время начальником там был Гоглидзе, один из двух братьев, ставших позже сотрудниками Лаврентия Бери. После ареста Бери их также расстреляли.

В своих письмах я делал упор на то, что у Бориса больные легкие, что он страдает силикозом, который приобрел в немецких, а потом наших лагерях. Я спрашивал, нельзя ли перевести его для дальнейшего отбывания срока в Донбасс.

Брату я также написал несколько писем, но о своих шагах не упоминал, а лишь сообщал, что дома нового, как себя чувствует мать, что делает отец, что делаю я сам.

От Гоглидзе я ждал ответа напрасно. Оттуда все мои письма — и в управление МГБ, и брату — переслали в Украинский ЦК партии. Хрущева в это время не было — он находился в Варшаве, — и меня вызвал Л. Г. Мельников, который к тому времени работал в ЦК партии, и начал меня прорабатывать, выражать недоверие. Разговор был грубый, неприятный: что, мол, у меня за переписка с осужденным.

А на следующий день я уже летел по вызову в Москву, где последовала невеселая встреча со вторым секретарем ЦК ВЛКСМ Всеволодом Ивановым (Михайлова тоже, к сожалению, не было в Москве). Суть его разговора со мной состояла в том, что мне не следовало бы защищать «врага народа» и что таким, как я, нечего делать в комсомоле. Вопрос, как я понял, ставится уже о моем освобождении.

В Киев я вернулся совершенно убитым. Понятия не имел, что меня теперь ожидает. Мне начинало казаться, что не брат приедет ко мне, а я последую за ним.

Вдруг звонок — Хрущев:

— Что там у тебя произошло?

— Так вот, видно, мне надо прекращать работу.

— А ну приезжай ко мне.

Когда я ему все рассказал, он спрашивает:

— А ты здесь при чем?

— Да я тоже так считаю. Но ведь и ваш второй, и тем более Иванов не так думают.

— Ну и дураки. А ты-то что нос повесил?

— Поймите меня, Никита Сергеевич, — объяснял я ему, — если со мной что-то случится, если меня накажут или снимут с работы, да еще если и по партийной линии будут приняты меры, то пострадает вся наша семья, все полетят по «принципу домино». И отец, и все остальные братья, и сестры — все коммунисты. Все они образование получили от Советской власти, благодарны и преданы ей. И нет среди них врагов народа.

Он ответил коротко:

— Иди. Не тревожься и спокойно работай.

Больше мне никогда никто не вспоминал этот случай.

Только годы спустя, после разоблачения культа личности, когда я уже работал в Москве, состоялась амнистия, и я встречал брата на вокзале: он ехал из Хабаровска. Там он работал на кварцевых рудниках, и силикоз его вскоре добил в возрасте далеко не старом.

Позже, когда я работал в ЦК, я попросил принести свое личное дело и там нашел письмо Хрущева на имя Сталина. Были там такие строки (цитирую по памяти): «Я прошу за нашего первого комсомольского секретаря, брат которого был призван в армию перед войной... Он не несет за него ответственности... Я лично ручаюсь за его преданность нашему делу...» — и т. п.

Меня оставили первым секретарем украинского комсомола.

Что касается секретаря ЦК ВЛКСМ Иванова, то его жизнь закончилась трагически: уже став партийным работником, он был раздавлен бериевскими жерновами. Его обвинили в участии в вымышленном заговоре. В конце сороковых годов Берия и его приспешники таким образом устранили многих своих конкурентов из сталинского окружения. Это было так называемое Ленинградское дело. Иванов в тюрьме повесился.

В ЦК ВЛКСМ

До своего отъезда с Украины Хрущев отверг просьбу первого секретаря ЦК ВЛКСМ Михайлова о моем переводе в столицу на работу в ЦК комсомола. Хрущев тогда сказал, что для работы в центре я еще слишком молод.

Потом Михайлов как-то раз пригласил меня к себе, но, узнав, что я как первый секретарь ЦК ЛКСМУ получаю зарплату в два раза больше, чем секретарь ЦК ВЛКСМ, от этой мысли отказался: «Да мы тебя не прокормим», — полушутливо сказал он.

Михайлов долго был первым секретарем ЦК ВЛКСМ — с 1938 по 1951 год. Как-то позже, когда я уже работал в Москве, я сказал ему:

— Николай Александрович, когда я вступал в комсомол, вашу биографию на бюро райкома комсомола рассказывал.

Думал ему приятное сделать, а получилось неловко. Обиделся Михайлов:

— Вечно вы, украинцы, всякие анекдоты придумываете.

А вот когда Хрущев в Москве занял пост первого секретаря МК и МГК, Михайлов сообщил мне, что Никита Сергеевич в разговоре с ним одобрил мой перевод в ЦК ВЛКСМ. Так что и я расстался с Украиной.

Конечно, жаль было покидать своих единомышленников, друзей, товарищей. Но в комсомоле такие ситуации не были предметом особых переживаний: все же наверх ухожу!

В Москве я занял пост секретаря ЦК ВЛКСМ. До моего прихода в ЦК было пять секретарей. Я стал шестым. В сферу моей деятельности входили вопросы сельской и армейской молодежи. Занимался я также вопросами спорта. Потом стал ведать кадрами и оргделами,

затем финансами, потом управделами — в общем, всеми вопросами, кроме идеологических, я занимался основательно. <...>

Некоторые спрашивают меня сегодня: испытываю ли я угрызения совести в связи со сказанным мною в адрес Пастернака на комсомольском форуме, не подставили ли меня?

Что ответить на вопрос, заданный спустя полстолетия после события и в совсем другой стране?..

Расскажу, как это было.

Предстояло празднование 40-летия комсомола. Готовились к проведению торжественного пленума ЦК ВЛКСМ, на котором должны были присутствовать Хрущев и другие члены Политбюро.

Неожиданно за день до заседания зазвонил телефон, я услышал голос Никиты Сергеевича:

— Приезжайте в Кремль и Аджубея захватите.

По дороге я спросил Алексея, не знает ли он, в чем дело.

Тот ничего не знал.

В кабинете у Хрущева уже сидел Суслов.

Никита Сергеевич, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Завтра ты с докладом на пленуме комсомола выступаешь?

— Да, я.

— А не мог бы ты в докладе «выдать» Пастернаку, как надо?

— Что вы имеете в виду? — ответил я вопросом на вопрос, так как был застигнут врасплох.

— Да вот с присуждением ему Нобелевской премии.

— Это в доклад не очень вписывается, так как он посвящен 40-й годовщине комсомола.

— Найдите для этого место в своем докладе. Вот мы надиктуем сейчас с Михаилом Александровичем⁵ странички две-три, потом вы с Алешей посмотрите, с Сусловым согласуете, и действуй.

Хрущев вызвал стенографистку и начал диктовать. Тут были любимые им словечки: и «паршивая овца», и «свинья, которая не гадит там, где ест или спит», и пр. Типично хрущевский, нарочито грубый, бесцеремонный окрик, выпирающий из текста доклада, нарушающий общий его тон.

Когда он продиктовал слова о том, что, мол, «те, кто воздухом Запада хотят подышать, пусть убираются, правительство возражать не будет», я взмолился:

— Никита Сергеевич, я же не правительство!

— Не беспокойся! Мы будем сидеть в президиуме и в этом месте тебе поаплодируем. Люди поймут.

В целом Хрущев наговорил примерно три страницы. В конце концов мы их превратили в одну. Не просто было включить такой текст в доклад, где с пафосом отмечались подвиги комсомола.

В результате пришлось кое-что изменить в уже готовом тексте, чтобы была хоть какая-то связь между отдельными его частями.

Когда на следующий день я с задором произносил свою речь с трибуны во Дворце спорта, место в докладе о Пастернаке было встречено бурными аплодисментами⁶.

Надо сказать, что книгу Бориса Пастернака «Доктор Живаго» я, как и все присутствовавшие в зале, тогда еще не читал. Была она издана в Италии, и в нашей стране ее прочесть было нельзя. Поэтому судить о содержании книги я не мог и осуждал Пастернака за факт незаконного, тайного издания книги за границей.

Вопрос о Пастернаке не был очередным капризом Хрущева. К этому его вынудили обстоятельства: «оттепель» разморозила либеральных критиков устоев Советской власти и политики КПСС в области идеологии. Их надо было одернуть. И расчет Хрущева оправдался.

Пастернак — не Маяковский. Что мог знать о Пастернаке молодой строитель, шахтер, тракторист, комбайнер? Молодым работягам, да и не только им, было непонятно, за что враждующий с нами Запад платит огромные деньги поэту Пастернаку. Им объяснили: книгу свою он переправил за границу тайно. В ней он отрицательно относится к Октябрьской революции, за что и получил Нобелевскую премию. Следовательно, вся история вокруг Пастернака — это политическая акция против нас. Так оно, в сущности, и было.

Мы имели дело с попыткой западных служб раскрутить у нас одного из первых диссидентов.

Правда, ставка на Пастернака оказалась у них не вполне удачной: на следующий день он обратился с письмом в редакцию «Правды» и, сославшись на мою речь, заявил о том, что не намерен покидать свою родину и отказывается от Нобелевской премии. Однако семя проросло. Прошло несколько лет, и «эстафету» подхватили такие лауреаты Нобелевской премии, как Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Иосиф Бродский...

Как известно, после моего выступления пленум Союза писателей СССР единогласно принял решение об исключении Пастернака из Союза писателей. Было составлено письмо для печати по поводу «поведения Пастернака», которое подписали не только московские литераторы, но и те, кто оказался в то время в Москве.

31 октября 1958 года состоялось общемосковское собрание писателей для обсуждения вышеупомянутого решения. На собрание были приглашены члены Президиума Правления Союза писателей СССР, члены бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР, члены Президиума Московской организации Союза писателей, то есть те люди, которые на своем объединенном пленуме уже приняли

решение об исключении Б. Пастернака из Союза писателей. На собрании 31 октября было сказано много нелицеприятного в адрес Пастернака. Кто-то даже внес поправку в решение собрания: «Просить Советское правительство лишить Пастернака советского гражданства», — но она не прошла.

Навсегда я запомнил один из дней работы XIII съезда комсомола⁷. Нам уже было известно, что Александра Николаевича Шелепина переводят в ЦК КПСС, а меня будут предлагать к избранию первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Накануне мне позвонил Хрущев:

— Слушай, давайте хорошую традицию заведем, чтобы из комсомола по-доброму провожать. Вот Шелепин уходит... Можем мы, конечно орден дать, но это уже надоевшая штука. Вы же можете придумать что-нибудь этакое...

Мы с ребятами на второй день собрались и решили учредить звание «Почетный член ВЛКСМ» и прямо на съезде присвоить его Шелепину. Звоню Хрущеву:

— Никита Сергеевич, вот что мы надумали.

— Здорово! Мы, пожалуй, еще и решением Президиума ЦК одобрим и поддержим.

Через час снова звонит:

— Знаешь, а давай-ка и Михайлова к этому присовокупим. А то ушел из комсомола руководитель, и не поблагодарили его по-настоящему.

Николая Александровича Михайлова я нашел дома — больного, с насморком и температурой:

— Слышишь, еле дышу.

Не объясняя подробностей, я ему говорю:

— Николай Александрович, завтра вы должны прийти на закрытие съезда хоть ползком, потому что и для вас, и для нас событие будет действительно историческим.

Перед началом заключительного заседания съезда захожу в комнату для президиума в Большом Кремлевском дворце (меня уже избрали первым секретарем ЦК ВЛКСМ!), а там — весь Президиум ЦК партии. Я — к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, есть у меня в заключительной речи слова о том, что уходит Шелепин «на большую партийную работу». Можно, я скажу, что он идет не просто в ЦК партии, а на большую и ответственную партийную должность — заведомо ЦК партии?

— Что значит «большую»? Инспектор ЦК — тоже большая должность. Нет, не надо.

— Но это же заведомо парторганов ЦК! По существу, мы впервые будем так провожать первого секретаря ЦК комсомола.

— Да через три дня об этом назначении узнает вся страна.

— Ну, одно дело я на съезде скажу, а другое — из печати...

Хрущев повернулся к членам Президиума ЦК:

— Ну что мне с ним делать? Он требует, чтобы ему разрешили объявить о назначении Шелепина сейчас, на съезде.

— Да ничего я не требую! Просто хочу сказать то, что фактически состоялось...

— Но у нас еще не все подписали протокол Президиума.

— Но решение уже состоялось? Да и все члены Президиума ЦК здесь.

Хрущев обратился к членам Президиума:

— Ну что с ним будем делать? Ладно, давай! — засмеялся он под одобрительные улыбки собравшихся.

И действительно, когда я, закрывая съезд, объявил, что присваивается звание почетного комсомольца Александру Николаевичу Шелепину и Николаю Александровичу Михайлову, зал взорвался — такую делегаты устроили овацию. А когда потом я еще добавил, что Шелепин уходит на работу в ЦК заводделом парторганов, — такое в зале началось ликование! Ведь все понимали, что этим решением давалась оценка работы комсомола в целом.

Никита Сергеевич, когда я под гром аплодисментов вернулся в президиум, смеясь и хлопая в ладоши, говорил мне, стараясь перекрыть овацию:

— Это же надо так зал завести!..

А Н. А. Михайлов потом благодарил, что я его с постели поднял. И Хрущев после съезда мне позвонил:

— Знаешь, ты был прав!

Я тогда не предполагал, что не пройдет и года, как и я буду прощаться с комсомолом.

Борьба за власть

В обстановке всеобщей скорби (смерть И. В. Сталина. — *Сост.*) у комсомольских активистов родилась мысль переименовать Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи, заменив слово «ленинский» на «ленинско-сталинский». Собрали Бюро ЦК ВЛКСМ. Все были единодушны в этом решении. Подключили писателей для составления текста обращения к молодежи.

Как рассказывал мне Шелепин, он позвонил Хрущеву и сообщил об этом решении. Хрущев, немного подумав, сказал: «Ну а что? Давайте, действуйте!»

Обращение составили быстро, но в 12 часов ночи на квартиру Шелепину позвонил Хрущев: он поинтересовался, когда будет

пленум ЦК ВЛКСМ и готово ли обращение. Шелепин ответил, что пленум будет завтра и что обращение готово. Тогда Хрущев спокойно, как о чем-то обыденном, сказал: «Не надо этого делать. Мы тут посоветовались и решили, что делать этого не надо».

Еще один факт из событий тех дней.

Сразу же после смерти Сталина было решено организовать на ближней его даче музей. Мы ездили на место смотреть. Там встретили сотрудников Центрального музея В. И. Ленина, которые должны были принять участие в этом мероприятии. Но через месяц-два намерение было забыто: ничего не открыли, и лишь иногда возили туда на экскурсии — только актив...

Как бы мы ни оценивали роль Хрущева в истории страны, нельзя не учитывать, что близость к Сталину заставляла Хрущева всегда идти на поводу у вождя. Поэтому он, как и все его сподвижники, визировал ордера на арест, имел прямое отношение к массовым репрессиям, громил в своих речах в Москве и на Украине «правых» и «левых», требовал привлечения их к самой суровой ответственности.

Во время сталинских репрессий Хрущеву не удалось сохранить свои руки «чистыми». Хотя мы не раз говорили с ним о годах бесправия, он при этом никогда не останавливался на той роли, которую ему самому пришлось сыграть в те годы. Хрущев нигде и никогда не признавал своего участия в репрессиях. Но факты говорят о другом.

Так, выступая в мае 1937 года с отчетным докладом на Московской партийной конференции, он чуть ли не половину его посвятил теме вредительства, борьбе с врагами народа — троцкистами и бухаринцами. 14 августа 1937 года пленум МГК ВКП(б), заслушав информацию Хрущева о мероприятиях по укреплению райкомов партии, поручил бюро срочно разобрать все полученные материалы о связях отдельных руководящих работников с «врагами народа» и обеспечить укрепление райкомов партии и партийных организаций проверенными партийными кадрами, Хрущев сказал: «Нужно уничтожить этих негодяев. Нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа».

К началу 1938 года были репрессированы почти все секретари МК и МГК ВКП(б), большинство секретарей райкомов и горкомов партии Москвы и Московской области, многие руководящие советские, профсоюзные и комсомольские работники, сотни руководителей, предприятий, специалистов, деятелей науки и культуры. Естественно, не последнюю роль сыграли и указания Хрущева, и та атмосфера, которую он создавал тогда в Московской партийной организации.

Еще один характерный пример. По ордеру, завизированному Хрущевым, репрессировали Р. А. Ульяновского. И это несмотря на то, что тот регулярно занимался с Хрущевым, помогал ему в усвоении политэкономии. Правда, впоследствии Ульяновского реабилитировали, и он работал до ухода на пенсию заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС. К сожалению, Хрущев ни на XX съезде КПСС, ни в одном из последующих своих выступлениях ничего не сказал о своей причастности к репрессиям.

Отношения Сталина и Хрущева были противоречивыми. Сам факт, что после войны Сталин заменил на Украине Хрущева Кагановичем, свидетельствует о его определенном недоверии. Однако скорое возвращение смещенного на его прежнюю должность, не прерванное членство его в Политбюро ЦК партии доказывают, что конфликты между ними никогда не перерастали в открытую враждебность.

Тем не менее действия Хрущева в дальнейшем высвечивают различия в подходах этих двух государственных деятелей к тем или иным проблемам. Хотя, конечно же, существовало немало общего в стиле их работы.

На Украину Хрущев приехал именно в ту пору, когда все республиканское руководство было снято и посажено с ярлыком «врагов народа», и в Киев он прибыл не просто работать, а наводить порядок. Сталин, как известно, на освободившиеся места посылал тех, кто исповедывал его правду и был ему верен.

Я, однако, не сомневаюсь, что Хрущев отрицательно относился к Лаврентию Берии, что его мысли о необходимости очистить партию, освободить страну от жестокого насилия, открыто им высказанные лишь в 1956 году, зреть начали задолго до этого.

Сталин управлял государством со времени смерти Ленина в 1924 году, и корни его власти были весьма разветвленными. И если Хрущев хотел укрепить свои позиции и стать во главе высшего руководства страны, то ему невозможно было избежать схватки со сторонниками старых порядков, прежде всего в самом Кремле, и как результат — убрать с пути не одного, а целую группу могучих противников, имевших авторитет, наработанный еще во времена Сталина.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года высшие посты в государстве заняли Георгий Максимилианович Маленков, ставший председателем Совета Министров СССР, и Никита Сергеевич Хрущев — первый секретарь ЦК партии. В высшем эшелоне власти оставались из сталинской плеяды три первых заместителя председателя Совета Министров СССР: Вячеслав Михайлович Моло-

тов, он же министр иностранных дел Советского Союза, Лазарь Моисеевич Каганович, он же председатель Комитета Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы, Анастас Иванович Микоян, он же министр торговли СССР; все они были и членами высшего исполнительного органа партии — Президиума ЦК. Членом Президиума ЦК партии был и Лаврентий Павлович Берия, возглавлявший с 1941 года Министерство внутренних дел страны. Председателем Президиума Верховного Совета СССР и членом Оргбюро ЦК партии стал Климент Ефремович Ворошилов.

Это были многоопытные политики, прошедшие жесткую школу на выживание при Сталине. Отношения между ними были, мягко говоря, непростыми, и сторонниками Хрущева их назвать было никак нельзя.

И все-таки ему удалось склонить большинство членов Президиума ЦК к решению нанести удар по Берии. 26 июня 1953 года Берия был арестован. В июле пленум вывел его из состава ЦК и исключил из партии как врага Коммунистической партии и советского народа. 23 декабря того же года Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

На его место Хрущеву удалось поставить верного своего помощника И. А. Серова, но, памятуя опыт прежних лет, он не ввел его в руководящие партийные органы.

После смерти Сталина Хрущев всячески старался приблизить к себе Г. К. Жукова В 1955 году он назначил его министром обороны вместо Булганина.

Хотя я тогда был уже кандидатом в члены ЦК, вторым секретарем ЦК комсомола, а Шелепин работал в аппарате ЦК, мы еще были слишком молоды, чтобы принимать участие в решении важных государственных вопросов. Мы чувствовали, что обстановка обостряется и дело близится к столкновению, однако нам оставалось лишь надеяться, что Хрущеву, восторженными поклонниками которого — и его самого, и его реформаторского курса — мы были, все-таки удастся победить. Я сравнивал Никиту Сергеевича с оппонентами и, зная еще со времен работы с ним на Украине о его умении влиять на людей, находить общий язык с ними, приходил к выводу, что в этом плане он был сильнее своих противников.

Раньше всех пострадал после смерти вождя его сын Василий Сталин. Он очень быстро почувствовал, что его собственной карьеры приходит конец, и психика его не выдержала. При жизни отца он мог себе позволить практически все что угодно. И вдруг

защитника не стало. Он — один! Рядом никого, кто бы понимал, прощал...

Поведение Василия в то время стало истеричным. Так не должен был себя вести взрослый мужчина, к тому же генерал. Хотя надо признать, что по-своему это была трагическая фигура.

Вырос Василий без матери — в 1932 году она покончила жизнь самоубийством. Как позже написала сестра Василия Светлана Аллилуева, в доме ощущалось отсутствие женской руки, материнской заботы. Весь персонал, обслуживавший дом, состоял из сотрудников Девятого управления органов безопасности. По большей части это были офицеры.

Сталин обращался с сыном по-отцовски строго. Однако воспитанием его заниматься не мог, на это у него не было времени.

Василий пошел в армию, где стал военным летчиком. Но уж слишком быстро он рос по службе и воинские звания получал не согласно достигнутого им мастерства, а с учетом отцовского положения.

В короткий срок стал генералом, еще при отце для него была создана специальная должность в Москве. Авиация в Московском военном округе существовала еще до Василия, но для него было образовано специальное подразделение с собственным штабом, где он и командовал.

Во время военных парадов над Красной площадью проносились самолеты. Василий всегда находился в первом, ведущем самолете и с его борта рапортовал отцу, стоявшему на Мавзолее Ленина. Самолеты пролетали очень низко над головами многочисленных демонстрантов, что было небезопасно.

Однажды авиационная часть парада была отменена из-за плохой погоды. Василий соображения безопасности не принял к сведению и без согласия министра поднял-таки самолеты в небо и повел их, как обычно, к Красной площади. Центр Москвы истребители миновали без проблем, но при возвращении на аэродром два из них затерялись во мгле и врезались в землю.

Сталин наказал сына: разжаловал, сместил с должности командующего авиацией Московского военного округа. Однако прошло немного времени, и Василий снова оказался на прежнем месте.

Не приходится удивляться, что уже в сравнительно раннем возрасте молодой человек пристрастился к алкоголю и стал вольничать за женщинами. Москвичам Василий был известен как алкоголик и развратник, допускавший и хулиганство. Он мог носиться по улицам в открытом автомобиле, который специально для него был собран на ЗИЛе, с бешеной скоростью, пренебрегая правилами безопасности. К тому же во время таких «гонок» он чаще всего был в состоянии алкогольного опьянения.

Сразу же после смерти отца Василий стал обвинять членов высшего руководства в том, что они хотели смерти Сталина, что они его убили, отравили. При этом он утратил всякое чувство меры.

На основе того, что «Сталин» не настоящая фамилия, а партийная кличка революционера Иосифа Джугашвили, Политбюро приняло решение запретить Василию в дальнейшем носить фамилию «Сталин».

Со Светланой в этом отношении не было никаких проблем. Она сама предложила, что впредь будет носить фамилию матери, и стала Светланой Аллилуевой. Сын Сталина в конце концов взял себе фамилию «Васильев».

Не переставая пить и дебоширить, он продолжал винить всех в своих проблемах, и его в конце концов посадили в тюрьму. Сидел он в Лефортове.

Как-то Хрущев задал Шелепину вопрос:

— А как ведет себя Василий Сталин? Может, его освободить? Поговорите с ним сами и посоветуйтесь со Светланой.

Когда Шелепин встретился с ним, тот поклялся, что будет вести себя достойно. Шелепин посоветовался со Светланой и задал ей вопрос:

— Как вы смотрите на то, чтобы освободить Василия из тюрьмы?

— Если вы со мной советуетесь и хотите знать мое мнение, то скажу откровенно: я бы из тюрьмы его не освобождала.

О беседах с Василием и Светланой Шелепин доложил Хрущеву. Подумав, Хрущев сказал:

— Я за то, чтобы его освободить. Узнайте мнение членов Президиума ЦК.

Все высказались за освобождение.

На другой день Василия привезли в Кремль к Хрущеву. Войдя в кабинет, Василий бухнулся на колени и умолял Хрущева выпустить его на волю. Хрущев подошел к нему, поднял с пола, обнял и заплакал, приговаривая: «Вася, Васенька, мой дорогой! Ведь я тебя еще в люльке качал».

Хрущев стал вспоминать, как он учился с матерью Василия в Промакадемии, и сказал, что из тюрьмы Василий будет освобожден, но просил его вести себя после этого пристойно. Сын Сталина клятвенно обещал. Вскоре решением суда он был освобожден из тюрьмы.

Некоторое время Василий действительно держался, но недолго. Вскоре он попросил вернуть ему все подаренные когда-то отцу как главе государства автомобили (а их было примерно десять). Василию объяснили, что это — подарки официальные, а не личные.

Опять откуда-то появились дружки, организовали пир в честь его освобождения. Опыанев, он сел за руль автомобиля и на большой скорости сбил пешехода.

Когда доложили об этом Хрущеву, тот страшно разгневался. Решено было положить Василия в больницу. Подлечив, отправили его в Казань, где он и скончался...

Я придерживался мнения, что съезды Коммунистической партии Советского Союза, особенно в послевоенный период, стали носить скорее торжественный и показательный характер, вместо того чтобы оставаться рабочими заседаниями. Только на переломе двадцатых и тридцатых годов эти собрания еще созывались для дискуссий, для всестороннего анализа положения в партии, в стране, во всем мире. Тогдашние участники съездов были все-таки ближе к использованию диалога при возникавших временами спорах.

Однако с течением времени диалог стал уступать место единомыслию, стереотипу.

Частично проблема заключалась в широком участии в съездах представителей зарубежных коммунистических и рабочих партий. По мере того как возрастало число заграничных гостей, все чаще случалось, что на трибуну выходило больше представителей дружественных партий с приветствиями, чем самих делегатов, собиравшихся говорить о внутренних проблемах.

Я же считал, что мы не всегда должны говорить только за закрытыми дверями. Мы с Шелепиным уже давно пришли к общему выводу, что столь торжественные съезды при участии многочисленных делегаций следовало бы проводить лишь по случаю больших партийных дат. На остальных же периодически проводимых партийных всесоюзных форумах должны бы проходить сугубо целевые дискуссии.

Положение в стране и собственный рост как руководителя привели Никиту Хрущева к убеждению в необходимости подступиться к проблеме, которая постоянно нависала над партией и страной: поднять вопрос о лживых обвинениях, доносах, личном произволе, об искусственном создании образа «врага народа».

Хрущев прочувствовал всю тяжесть предшествовавшего периода и принял решение объявить об этом открыто. Он счел необходимым сказать правду о сталинизме, пусть не полную, но хотя бы основную. Он понял, что умолчание о подобных вещах не украшает ни страну, ни партию. Сделать этот решительный шаг Никита Сергеевич отважился лишь через три года после смерти Сталина.

XX съезд, состоявшийся в 1956 году, нарушил благодаря Хрущеву показную атмосферу этакой непогрешимости. В своем закрытом выступлении высший партийный руководитель подверг Сталина и его политику небывалой по тем временам, уничижительной критике. Он разоблачил культ личности, его последствия, дал им оценку и сделал это таким бескомпромиссным образом, что все участники заседания были потрясены.

Я был на том съезде, но не как делегат, а как приглашенный. Я работал в то время вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. На этом съезде меня избрали кандидатом в члены ЦК КПСС, благодаря чему я и смог участвовать в закрытом заседании, когда Хрущев выступил со своим секретным критическим докладом.

Доклад был прочитан утром. К тому времени съезд фактически закончил свою работу. Были оглашены итоги голосования. Неожиданно объявили, что состоится еще закрытое заседание.

Подтверждением того, что доклад был готов заранее, может служить тот факт, что Хрущев очень строго придерживался текста, а это случалось с ним редко. Известно, что были споры до съезда: делать доклад — не делать. Доклад был готов заранее, но решение о его оглашении, возможно, было принято уже во время работы съезда.

Хрущев никогда особенно не распространялся о том, с кем и как он писал свой столь принципиальный доклад. Ходили слухи, что главным помощником его был секретарь ЦК и тогдашний главный редактор газеты «Правда» Петр Николаевич Поспелов. Назывались также Шепилов, Серов и некоторые другие люди, главным образом из числа молодых партийных функционеров.

Главную работу проделал Поспелов. Комиссия ЦК по делам о репрессированных, которой руководил Поспелов, довела расследование лишь до XVII съезда партии. Более поздним периодом занимался, видимо, Шуйский.

Разоблачение культа личности Сталина во многом вышло боком Советскому Союзу. В этом смысле XX съезд партии имел и негативную сторону.

После съезда Хрущев постоянно, на любом собрании пытался свести Сталина до уровня «дурака», крайне неспособного человека: то заявлял, что Сталин руководил войной по глобусу, то расписывал, как он спаивал свое окружение у себя на даче.

Сам я был свидетелем такой неприглядной сцены. Как-то 7 Ноября на приеме в Кремле собрались гости — представители общественности, послы многих стран. «Вождь» берет слово и «закатывает» импровизированную речь на полтора часа (!), поливая грязью Сталина.

У меня создалось впечатление, что Хрущев патологически ненавидел Сталина. Говорили даже, что он, мол, мстил Сталину за своего сына Леонида, которого тот отказался якобы вызволить из плена. Когда я работал в КГБ, этой версии еще не было и мы ее не проверяли. В разговорах со мной Хрущев всегда говорил, что сын его погиб...⁸

Выступление Хрущева на XX съезде не везде было воспринято с одобрением. Причем критика шла с разных сторон. На Западе

считали, что он остановился на полпути, на Востоке — что зашел слишком далеко.

Сам Хрущев больше всего хотел очистить социализм в нашей стране, как позже стали говорить, «придать ему человеческое лицо». Основу социализма, основные направления развития он намеревался сохранить. И в мыслях у него не было менять что-либо коренным образом. Но он стремился освободить социализм от наносов диктаторской и узурпаторской практики, связанной с насилием и произволом. Хотел вернуться к ленинским нормам.

Хрущев поначалу был намерен дать больше свободы, в определенной мере допускать критику, иные взгляды, иные мнения. Сначала он искренне боролся за то, чтобы снова получили право на жизнь принципы коллективного принятия решений. Важные, по его мнению, должно было принимать коллективное руководство — Политбюро и Центральный Комитет, а не единолично он сам как высший партийный руководитель.

И действительно многие вопросы стали обсуждаться на пленумах Центрального Комитета партии, что при Сталине бывало весьма редко.

Однако Хрущев при этом ни в коем случае не собирался выпустить из партийных рук какие-либо контрольные функции. Печать, кадровые вопросы, идеология — все это оставалось в партийном ведении, а вопросы планирования и управления экономикой — тем более.

Как выяснилось позже, секретный доклад первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза явился и для международного коммунистического и рабочего движения серьезным ударом.

Критики Хрущева, особенно Молотов, неоднократно подчеркивали, что такая крутая перемена в курсе КПСС подорвет ее международный авторитет, а также авторитет мирового коммунистического движения в целом.

Не является тайной, что многие зарубежные коммунистические партии, можно сказать, слепо доверяли Москве и принимали как абсолютную истину все, что мы декларировали. И вдруг мы сами перед всем миром заявляем, что многие вещи на самом деле обстоят совсем иначе! Большие трудности возникли, к примеру, в итальянской и во французской компартиях.

Процесс переоценки прошлого и вскрытия пороков периода культа личности Сталина затронул также страны Восточной Европы. В наибольшей степени он осложнил развитие двух из них — Польши и особенно Венгрии...

В 1956 году в Будапеште высший партийный пост оставил Матьяш Ракоши, на котором лежала своя доля ответственности за проявления культа личности в Венгрии. Его заменил Эрне Гере. Эта замена была произведена с целью установления спокойствия в стране, создания условий для анализа ошибок прошлого и их исправления.

В октябре 1956 года Гере направился с визитом в Румынию — высшие венгерские руководители покинули пределы своей страны в пору чрезвычайно сложной ситуации. В это же время волнения начались в Польше. Реагируя на польские события, венгерские студенты вышли на демонстрацию в Будапеште, что явилось толчком для проявления насилия и в самой Венгрии.

Руководство быстро теряло контроль над ходом событий. Не помогло возвращение на пост главы правительства Имре Надя, политика, ранее отозванного со своего поста из-за конфликта с Ракоши. Тогда советские танки впервые выехали на улицы города, чтобы восстановить порядок, после чего они вернулись в места своего расположения.

Гере был смещен. Новым человеком, занявшим освободившийся пост, стал Янош Кадар. Но уже ни он, ни Надь, находившийся во главе правительства, не смогли предотвратить нового кровопролития.

В то время, когда между Москвой и Будапештом шли переговоры, открывавшие перед венграми возможности собственными силами навести в стране порядок, председатель венгерского правительства Имре Надь выступил с заявлением, что его страна выходит из Организации Варшавского договора, и одновременно обратился в Организацию Объединенных Наций с призывом признать венгерский нейтралитет.

Разгоравшаяся гражданская война требовала все новых и новых жертв. После консультаций с ведущими представителями остальных стран — участниц Варшавского договора — советское руководство приняло решение вторично использовать войска и нормализовать положение в стране.

Во время венгерских событий я находился в Югославии во главе комсомольской делегации. Поездка близилась к концу. В Загребе мы паковали чемоданы, намереваясь на другой день улететь домой. Однако намеченный отлет не состоялся: секретарь югославского Союза коммунистической молодежи Мико Триполо (он потом возглавил компартию Хорватии, но впоследствии его исключили из Союза коммунистов за национализм) пришел с неожиданной новостью — завтра нас ждет у себя сам президент Тито.

Приглашение Тито нас поразило. После ряда лет взаимных нападок отношения между нашими странами только начинали

налаживаться. Мы были одной из первых за долгое время молодежных советских делегаций в Югославии, где пробыли почти месяц, но о возможности подобной встречи ни разу не было сказано ни словам Понятно, что это приглашение мы приняли.

Президент в то время находился в своей резиденции на острове Бриони, и у него, как нам сообщили, собирается для обсуждения происходящих в Венгрии событий все югославское Политбюро.

Уже почти ночью мы выехали в Пулу — небольшой городок, неподалеку от которого — примерно через километровой пролив — расположен остров Бриони. Погода была ужасной, дорогу заносило снегом. Еле доехали.

Когда мы прибыли на Бриони, югославское руководство еще заседало, нам предложили ознакомиться с островом — в фаэтонах или на автомашинах. Мы, конечно, выбрали лошадей. Остров был крошечный.

Сама встреча с Тито длилась примерно полтора часа. Он говорил по-русски, без переводчика, так что мы хорошо друг друга понимали.

Югославская печать, газеты «Борба», «Политика», другие издания, освещала происходившие события в соседней Венгрии весьма широко и объективистски. Их толкование не определялось классовым подходом, как того мог ожидать человек от печатных органов коммунистической партии. Фотографы и репортеры сообщали о том, что происходит на улицах, описывали, как демонстранты убивают коммунистов и полицейских, как вешают их за ноги, как стражи закона, наоборот, убивают демонстрантов, однако из всех этих материалов было невозможно определить, на чьей стороне стоят сами журналисты.

Во время беседы я не сдержался и спросил прямо:

— Товарищ Тито, как понимать то, что ваши газеты освещают венгерские события как бы со стороны и не высказывают своего мнения о происходящем, не говоря уже об оценке ситуации с точки зрения коммунистов?

Ответ Тито был неожиданным для нас:

— Наши газеты не являются органами Союза коммунистов Югославии. Да, Союз коммунистов является их издателем, однако журналисты вовсе не обязаны смотреть на вещи под тем же углом зрения, что и Центральный Комитет. Они и их главные редакторы имеют свои подходы и оценки.

Тито не понимал, как мог Гере сразу же после вступления в новую должность оставить свою страну, находившуюся в сложнейшей ситуации, и вместе с другими членами высшего руководства отправиться с визитом в Румынию.

Ведь когда студенты вышли на улицы, оказалось, что нет никого, кто мог бы поговорить с ними, выслушать их требования, наконец, успокоить их. Тито вспомнил, как ему однажды случилось обратиться с балкона к разбушевавшимся толпам:

— Тогда было достаточно спички, и все, что возводилось долгие годы, было бы разом уничтожено. Только от умения и ответственности вождя зависит, насколько он в состоянии успокоить массы.

В отношении того, что Советский Союз, стремясь нормализовать обстановку в Венгрии, дважды посылал туда своих солдат, Тито сказал:

— В первый раз это было излишне. Тогда, полагаю, венгерское руководство могло бы справиться с ситуацией само.

— Наши ведь быстро покинули улицы, и жизнь в Будапеште стала возвращаться в нормальную колею, — возразил я, — однако вскоре произошел новый всплеск волнений, и вновь пролилась кровь.

— Второе вмешательство Советской Армии было правильным, — признал президент. — Уже невозможно стало пассивно наблюдать за тем, что происходит. Если бы туда не послал свои войска Советский Союз, мы сами сделали бы это.

Когда позже мы познакомили Хрущева с содержанием нашей беседы с президентом Югославии, тот облегченно вздохнул:

— Слава богу, что Тито видит ситуацию хотя бы так.

Дня через два Хрущев вновь звонит мне и рассказывает, что Тито накануне в харчевне в Пуле произнес перед собравшимися вполне антисоветскую речь.

— Слушай, он трезвый был, когда с тобой разговаривал? — спросил Хрущев. — Какова же его действительная позиция в этом вопросе? В Пуле Тито по существу обвинил Советский Союз, нашу партию и меня во всех грехах. Непонятно, что это с ним произошло! — И добавил: — Тито есть Тито. Очень трудно с ним вести разговор.

Заявление Имре Надя, что Венгрия выходит из Варшавского договора, стало для него роковым. После нескольких других непродуманных высказываний последовал его побег в югославское посольство в Будапеште, где Надь попросил взять его под защиту.

Наверное, стараясь избежать нового конфликта с Москвой, Тито принял решение выдать Надя для наказания⁹. Тем более что ориентация Надя на Запад и у югославского президента особых восторгов не вызывала...

Я и по сей день не разделяю утверждений, что венгерский народ боролся за «свободу». На мой взгляд, в 1956 году в Будапеште

имел место полный крах политики государственных структур, что постепенно и вело к гражданской войне.

Это, однако, вовсе не означает, что нами было сделано там все, как следовало. Тогдашняя советская внешняя политика по отношению к социалистическим странам во многом не соответствовала реальной оценке обстановки. Подчас в ней чувствовалось даже некоторое пренебрежение к младшим партнерам. Словно забывалось, что социализм в отдельных странах начали строить совсем недавно. А потому нельзя было ожидать, что за столь короткий срок будут перевоспитаны миллионы людей, которые родились и жили в совершенно иных условиях и при других общественных отношениях. В этих странах совсем недавно все имело своих конкретных собственников, и вдруг явились коммунисты и национализировали частную собственность.

У нас остатки буржуазных классов частично уехали из страны, часть была отправлена в Сибирь, часть перешла на сторону народа.

А что можно было предпринять в малых странах? Как изменить всех сразу? Но мы тем не менее пытались переделать все «одним махом», подгоняя под «советский опыт», доходя порой до абсурда.

Например, раньше высшей отметкой венгерского школьника была единица, а худшей — пятерка. Неужели и тут следовало все выворачивать наизнанку и делать «по советскому образцу»? И чего мы этим достигли? Только настроили против себя огромное количество людей. И подобных мелочей было великое множество. Одно дело перестроить согласно союзнической модели армию или органы безопасности, а другое — привлечь на свою сторону людей, увлечь их новой ориентацией.

Вскоре после событий в Венгрии, 19 ноября 1956 года на приеме по случаю визита высшего польского партийного представителя Владислава Гомулки Никита Хрущев произнес слова, адресованные западным странам, которые позже неоднократно цитировались. Он сказал: «Нравится вам это или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним».

Хрущев считал, что через пару десятков лет мы будем жить при коммунизме. Уже тогда он начал предаваться мечтам и фантазиям. Подтекст его слов был чисто идеологический. Цель — не похоронить на самом деле, а лишь догнать и перегнать Америку. Увы, в то время Хрущев в своих импровизированных речах уносился временами в заоблачные выси, отрываясь от твердой земли. Символы значили для него очень много.

Но Запад после событий в Венгрии интерпретировал высказывание Хрущева по-своему — как новую военную угрозу.

«Холодная война» продолжалась.

Неспокойно было и руководство страны.

На XX съезде все члены старой гвардии — Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Микоян — были избраны в Центральный Комитет, и пленум ЦК, проходивший сразу после съезда, всех их избрал членами Президиума ЦК партии. Тогда же кандидатами в члены Президиума стали Л. И. Брежнев, Г. К. Жуков, Е. А. Фурцева — в то время явные сторонники Н. С. Хрущева.

Разоблачение культа личности Сталина на XX съезде ударило не только по вождю, но и по его близкому окружению. И хотя не все лица, подписывавшие смертные приговоры, были названы в докладе Хрущева, разоблачения вызвали резко негативную реакцию старой гвардии.

Прежде всего им не нужна была гласность документов, в том числе со смертными приговорами, подписанными не только Сталиным и Берией, но и ими самими. Дальнейший процесс «десталинизации» неизбежно еще более усложнил бы их положение.

Не согласны они были и с теми решениями в области сельского хозяйства и промышленности, которые проводил в жизнь Хрущев. Теперь, с высоты времени, нельзя сказать, что их критика была необоснованной.

В свою очередь, Хрущева все больше беспокоила растущая популярность Г. М. Маленкова, авторитет которого явно выводил его на место первого человека в стране.

Первой решительный шаг к обострению обстановки и попытке свергнуть Хрущева сделала «оппозиция», попробовавшая в июне 1957 года лишить его власти на заседании Президиума ЦК, где она были в большинстве.

Проиграв там первоначально схватку, несмотря на сопротивление оппозиции, Хрущев сумел настоять на созыве пленума ЦК, который не поддержал сталинских сподвижников. Их методы работы уже мало кто хотел вернуть.

В результате «антипартийную группировку» — Маленкова, Молотова, Кагановича — вывели из состава членов Президиума ЦК, «примкнувшего к ним» Шепилова — из состава кандидатов в члены Президиума и всех — из самого Центрального Комитета с убийственной, казалось, формулировкой: за несовместимую с ленинскими принципами партии фракционную деятельность.

Решающую роль в победе Хрущева сыграла, конечно, поддержка его армией и КГБ — Жуковым и Серовым.

Президиум был расширен: вместо прежних одиннадцати теперь в нем было пятнадцать членов. Но если министр обороны Жуков

стал на июньском пленуме членом Президиума ЦК, то председатель КГБ в него включен не был даже на уровне кандидата.

Впервые в истории нашего Советского государства было сделано то, что при Сталине и представить себе было невозможно: высшие руководители, обвиненные в антипартийной деятельности, не были арестованы и казнены. Их отстранили от власти, направив на работу в разные края. Молотова — послом СССР в Монгольскую Народную Республику, затем — главой представительства при МАГАТЭ в Австрию, Маленкова — директором Усть-Каменогорской ГЭС и Экибастузской ТЭЦ, Кагановича — управляющим трестом «Союз-асбест» на Урале. В 1961–1962 годах их всех исключили из партии.

Несколько месяцев спустя Хрущев предпринял еще один шаг к укреплению своей власти — с поста министра обороны был смещен маршал Жуков! Многих это потрясло. Жуков был живой легендой. Он руководил всеми решающими операциями во время Великой Отечественной войны, и народ был глубоко ему благодарен. Где бы он ни появлялся, его встречали самыми высокими почестями, на которые не мог рассчитывать ни один партийный функционер. Видимо; огромная популярность Жукова испугала Хрущева, как в свое время и Сталина. И он решил от него избавиться.

Жуков был глубоко убежденным коммунистом, свято верившим в светлые идеалы. Конечно, и у него были свои недостатки, иногда проявляемое упрямство, а то и высокомерие, но как солдат и командир он знал, что такое приказ, и привык, чтобы его приказы исполнялись. Его положительные качества, его заслуги были многократно выше тех недостатков, которые в нем можно было отыскать.

В отстранении Жукова помогло Хрущеву молчаливое согласие генералитета. Маршалы и генералы испытывали определенные чувства соперничества и зависти, а громаднейший авторитет Жукова в армии, среди младшего и среднего командного состава, в расчет не брался.

Советская Армия всегда строилась по принципу единоначалия, строгой дисциплины. Да так это и должно быть. Без этого армия не может достигнуть высокой организованности. Однако был в армии участок, который хотя формально и подчинялся Министерству обороны, на самом деле находился под руководством Центрального Комитета партии — это Главное политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота.

Трудно сказать, действительно ли Георгий Константинович Жуков критиковал партийное руководство армии или же некоторым

амбициозным работникам Политуправления не нравилось, что маршал отдавал им приказы. Однако в этой среде вокруг Жукова возникла атмосфера подозрительности и всякого рода обвинений в неуважительном отношении его к политорганам.

Уже позже, будучи председателем КГБ и имея в своем подчинении контрразведку, я никогда никаких убедительных подтверждений таким разговорам не находил. Однако тогда, в 1957 году, эти наветы сыграли свою роль.

Воспользовавшись ими, Хрущев во время визита Жукова в Югославию в октябре 1957 года отстранил его от руководства обороной страны, и пленум ЦК вывел его из состава Президиума.

Несомненно, политическая деятельность маршала Жукова могла продолжаться и после июньского пленума. Более того, его авторитет мог бы поднять его до полноправного члена политического руководства страны и даже выдвинуть вперед, возможно, на пост председателя Верховного Совета СССР. Но эта перспектива мало устраивала Хрущева. Вряд ли он захотел бы делиться вниманием мировой общественности с прославленным полководцем. Такие вопросы, несомненно, не раз приходили в голову Хрущеву, прежде чем в октябре 1957 года он принял окончательное решение.

Было много кандидатов, которых можно было утверждать на освободившийся пост министра обороны. Однако министром не стал ни Конев, ни Рокоссовский, ни Еременко, ни Баграмян. Военные заслуги человека, сменившего Жукова — Родиона Яковлевича Малиновского, — были на порядок ниже. Но он еще при Жукове стал заместителем министра обороны и пользовался благосклонностью Хрущева. В сравнении с другими он был не столь амбициозен, но достаточно умен. Отличался он и тем, что умел создавать вокруг себя хорошие человеческие отношения. И при этом его авторитет не мог угрожать авторитету самого Хрущева.

После смещения «антипартийной группы» и удаления Жукова был принят очень важный принцип: так называемые силовые руководители, представляющие военное ведомство и КГБ, и министр иностранных дел не должны входить в состав Президиума (Политбюро) ЦК. В их руках и так была сосредоточена большая власть, и дальнейшее усиление их политического веса могло вести к злоупотреблению этой властью. Последними, кто более чем наглядно продемонстрировал справедливость подобного рассуждения Хрущева, были Лаврентий Берия и в какой-то мере маршал Жуков.

Хрущев за четыре с небольшим года после смерти Сталина очистил себе путь к полновластию и в 1958 году совместил посты

главы партии и правительства, став еще и председателем Совета Министров СССР. Если в первые годы своего триумфа он еще вынужден был считаться с мнением членов Президиума и Секретариата ЦК, то в дальнейшем его «занесло»...

Тучи над Хрущевым

Минуло десять лет после смерти Сталина. Это были богатые событиями годы, принесшие нам и немало успехов.

Большая доля заслуг в этом по праву принадлежит Никите, Сергеевичу Хрущеву. В некоторых случаях справедливо говорить даже о его решающей роли. Я всегда считал его большим государственным деятелем. Он владел искусством руководить, способствовал развитию такой значительной советской республики, как Украина. Поражала и его неисчерпаемая энергия. Это был руководитель всесоюзного масштаба и заслуживал право на глубокое к себе уважение.

Однако если посмотреть на Хрущева просто как на человека, то нельзя не заметить, что природа одарила его как хорошими, так и плохими чертами. Не случайно памятник на его могиле решен в контрастных черно-белых тонах. Он умудрялся сочетать в себе воображение, изобретательность, прирожденный ум, человеческую сердечность с низкой культурой и даже глупостью.

И по сей день эти черно-белые черты преобладают при анализе государственной и партийной деятельности Хрущева с перекосом в ту или иную сторону.

Хрущев считал своей первоочередной задачей — решение продовольственной проблемы, поэтому больше всего думал о селе.

Личный вклад Хрущева в поднятие целины не могут поставить под сомнение даже самые упорные его критики.

Глядя на разоренную послевоенную Украину, он определил для себя и второй приоритет — им стало строительство.

Собранная им группа энтузиастов стала ломать голову над серийным производством панелей для строительства жилья приемлемого стандарта. Начали создаваться целые строительные комбинаты.

В то время кабинет Хрущева буквально превратился в выставку всевозможных строительных деталей и макетов. Каждый, кто приходил сюда, сразу же видел, какой успех в строительстве только что достигнут, чем он сейчас больше всего гордится.

Однако самым важным была та радость, которую испытывали простые люди, переезжавшие в новые квартиры.

Из-за недостатка времени, а также из-за отсутствия нужного количества лифтов хрущевские новые кварталы не имели высо-

ких домов. Это были в основном пятиэтажные строения, которые возводились сначала в Киеве, а после смерти Сталина и на юго-западе Москвы, в Горьком и во многих других городах. Сегодня их называют «хрущобами» по ассоциации с «трущобами», но тогда это было желанное жилье для миллионов людей.

Искреннее стремление улучшить жизнь народа обеспечило Хрущеву непосредственно после его прихода в верхний эшелон власти популярность, которая дала ему возможность для укрепления своей личной власти преодолеть сопротивление «антипартийной группировки» в 1957 году.

Однако и после этой победы Хрущев еще не чувствовал себя в полной безопасности. По его настоянию со своего поста был снят маршал Жуков. Вслед за ним должны были последовать и другие видные руководители.

Интрига, связанная с А. Кириченко, развертывалась в конце пятидесятых годов и представляла собой некое исключение из правил. В связи с ней я тогда был переведен с поста заведующего отделом партийных органов ЦК в Азербайджан. Однако свою порцию получил тогда и сам первый секретарь.

Снятия Кириченко, ставленника Хрущева, добилась группа в Президиуме ЦК наперекор самому Хрущеву. И Хрущев понял, что эта группа может выступить и против него самого. Ловкое маневрирование позволило ему справиться тогда с возникшей сложной ситуацией.

Ему удалось добиться того, что в Президиуме ЦК уже заседали новые, преданные Хрущеву люди. Их опыт ни в какое сравнение не шел с опытом и авторитетом первого секретаря, и о каком-либо «бунте на корабле», казалось, не могло идти и речи.

Гагарин и достижения в космосе обеспечили нашей стране и внимание всего мира, и его повышенное уважение. К тому же два года подряд собирали небывалый урожай¹⁰.

И Хрущев почувствовал себя на вершине успеха.

Он ошибочно решил, что успех отныне будет ему сопутствовать всегда и везде, чтобы он ни предпринял, поверил в собственную безошибочность. К своей великой беде, он переоценил свои силы и недооценил важные обстоятельства.

Он свел число советников к минимуму, начал больше ориентироваться на близких знакомых и родственников, практически перестал консультироваться с членами Президиума. Со свойственным ему упрямством он добивался того, чтобы все было так, как он велит. Когда же стали проявляться одна за другой его ошибки, вину за неудачи Хрущев начал сваливать на других.

Импровизацию, подчас оторванную от реальности, он возвел в ранг своего главного рабочего метода. Присвоив себе право бесконтрольно говорить все, что он хочет, Хрущев стал выступать без подготовки. Его речи было невозможно публиковать: после его выступлений несколько человек садились за стол и на основе стенографической записи составляли речь, годную для публикации, стараясь соблюсти хотя бы простую логическую взаимосвязь.

Мне вспоминается, что и в прежние времена Никиту Сергеевича приходилось одергивать, и делал это сам Сталин. Тогда, на республиканском уровне, Хрущев еще не мог задумывать перемены столь принципиальные и комплексные, как это он стал делать позже в масштабах всей страны, но и раньше готов был делиться своими прожектами.

Так, в конце сороковых годов, он опубликовал в газете «Правда» статью об агрогородах — поселениях городского типа в сельской местности. Он призывал стирать культурные и архитектурные различия между городом и деревней.

Сразу же после опубликования статьи Сталин, что называется, «всыпал» Хрущеву. Он был рассержен тем, что украинский секретарь носится с мифическими агрогородами в то время, когда люди в республике еще живут в землянках. «Ты их сначала оттуда вытащи», — внушал Иосиф Виссарионович Хрущеву. На следующий день в «Правде» появилась редакционная реплика о том, что статья Хрущева опубликована в порядке дискуссии, хотя, по тогдашней традиции, любой материал, появившийся на страницах официального партийного издания и подписанный членом Политбюро, воспринимался как решенная проблема и подлежал исполнению...

Н. С. Хрущев, вместо того чтобы заниматься реально существующими сложностями в развитии страны, подчас предпочитал преждевременно заглядывать в будущее. Известно, что он провозгласил: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме».

Некоторые чрезмерно старательные его последователи на местах, стремясь понравиться партийному вождю, от слов переходили к делу. Где-то в Киргизии решили кормить всех обедами бесплатно, в другом месте сделали бесплатным городской транспорт. Центральный Комитет был вынужден заявить, что повсеместно для подобных нововведений у нас пока нет нужных средств, а потому и спешить впредь не следует.

Но Хрущев не принадлежал к тому типу людей, которые готовы исправлять свои ошибки. Напротив, он обрушивался на недовольных критиков, снимал оппонентов со своих должностей, а потом недемократично и не очень цивилизованно переводил их на второстепенную работу.

Сбитым с толку партийным работникам Хрущев отдавал приказ за приказом, одна реорганизация следовала за другой, реформа сменяла реформу. Люди на местах не успевали не только проверять на практике отдельные директивы, но даже как следует их прочитать. Интересные мысли у Хрущева стали перемешиваться с совершенно неприемлемыми. Вместо позитивных результатов все больше проявлялся хаос. Возникновение серьезных неудач становилось уже лишь вопросом времени.

Первый ощутимый удар Хрущев получил от своего любимого сельского хозяйства. Эксперимент с кукурузой полностью провалился. Вышло на поверхность и то, что такой опытный государственный деятель, как он, не сумел извлечь урок из уже однажды допущенной им ошибки подобного же рода. Речь идет о поспешном и повсеместном внедрении на Украине чумизы¹¹.

Сначала разведение кукурузы способствовало в пятидесятых годах некоторому улучшению положения с кормами. Однако потом первый секретарь, утратив всякую осторожность и чувство меры, потребовал, чтобы кукурузой было засеяно как можно больше сельскохозяйственных площадей, без всякого учета местных условий. Под кукурузу пошли как самые плодородные земли в Советском Союзе, так и поля, совершенно для этой культуры непригодные. Подобный «энтузиазм» добрался даже до Архангельской области, лежащей у Полярного круга. А когда урожай оказался ниже того, что ожидалось, не знали, что и делать.

Жители сельской местности были недовольны запретом держать личный скот и ограничением размеров приусадебных участков. Это нанесло серьезный удар по их привычной жизни. Возмущение крестьян достигло верхней границы, когда Хрущев, несколько охладев к нововведению, допустил, что отрезанные участки земли остались необработанными и заросли сорняками.

Таким образом, Хрущев лишился поддержки в той сфере, которую считал своей надежной базой.

Будучи во власти реформаторских позывов политического характера, Хрущев вдруг решил, что необходимо изменить структуру Коммунистической партии Советского Союза, разделив ее на две части и создав два ее направления: промышленное и сельскохозяйственное, или же, говоря упрощенно, партию городскую и партию деревенскую.

Такие планы вызвали неудовольствие с самого начала, так как почти автоматически давали основание для взаимных споров, для противопоставления города и деревни.

Как можно, например, без помощи промышленных городов строить сельские дороги? Городские учреждения получили бы

возможность таким образом отвергнуть любые запросы деревенских жителей, ссылаясь на то, что у них и своих забот достаточно со строительством предприятий, шахт, обеспечением всем необходимым. Из деревень, наоборот, звучали угрозы, что если все именно так и будет обстоять, то почему они должны поставлять в город те же мясо и молоко!

Не пустым аргументом против политики Хрущева стал вопрос о разбазаривании высококвалифицированных кадров: в стране их было не так уж много, чтобы позволять себе безрассудно делить специалистов между городом и деревней, забывая при этом о необходимости поддерживать определенный уровень их развития.

И здесь, как и при реорганизации планирования, финансирования и многих иных сфер, Хрущев остановился на половине пути.

Идея децентрализации поначалу не представлялась плохой. Но постепенно над децентрализованными ступенями стали создаваться органы централизованные, и экономика «де-факто» вернулась опять к исходному положению. При этом бюрократия не сократилась, а даже несколько разрослась.

В мировой печати, которая не очень хорошо ориентировалась в наших внутренних делах, не раз заявлялось, что Карибский кризис, конфликт с Китаем и другие международные неудачи были решающими факторами снятия Хрущева. Однако решающее слово все-таки оказалось за внутренней политикой. Международные вопросы были лишь вторичными моментами в конечном политическом балансе...

Сильно пострадал авторитет Хрущева и в армии из-за радикального сокращения ее численности и отсутствия продуманного плана, как это безболезненно осуществить¹².

Сама мысль повышать обороноспособность страны путем улучшения качества ее Вооруженных сил была, несомненно, правильной. Однако как быть с теми, кто снял военную форму еще в активном возрасте и теперь не знает, куда идти? Никаких курсов переквалификации, где бывшие военные могли бы подготовиться к дальнейшей, уже гражданской службе, не существовало. В армии росла небывалая напряженность.

Время от времени Хрущев вызывал ответный гнев и своими непродуманными спорами со специалистами, такими, например, как главнокомандующий Военно-морским флотом в Великую Отечественную войну Николай Герасимович Кузнецов. Хрущеву казалось, что в эпоху ядерных ракет нет никакой нужды строить новые большие военные корабли. Ракетами, мол, и без таких кораблей можно решить любые военные задачи. Кузнецов пытался

спорить. Тогда Хрущев послал его командовать флотом на Дальний Восток и — никаких дискуссий! Таким же грубым и высокомерным образом он отнесся и к анализу значения для современной армии бомбардировщиков.

На Министерство внутренних дел также было оказано большое давление, чтобы и оно разделилось на две части: городскую и сельскую. И оно в конце концов было разделено.

Пришло время, и новые идеи в голове первого секретаря уже коснулись и нашего Комитета: он вынашивал реформу всего КГБ.

Хрущев настаивал, чтобы и КГБ трансформировался по системе «город — село». И еще он захотел лишить чекистов их униформы. Просто чтобы вместо военнослужащих и у нас работали штатские люди.

Разговоры по этим вопросам были частые и долгие, но я не соглашался и твердо стоял на своем. Возражая против разделения КГБ, я выдвигал все новые и новые доводы:

— Не могу я, Никита Сергеевич, агентов делить на городских и сельских! — убеждал я его. — Вы знаете, что сейчас говорят в милиции?

— Ну-ну? — заинтересованно спросил Хрущев.

— А вот говорят, что вышло такое распоряжение, что если находят лежащего пьяного, нужно принюхаться: пахнет коньяком — тащи в городское отделение, самогоном — в сельское.

— Ты все анекдоты свои... — досадливо поморщился он.

— Так анекдоты — это отражение жизни...

Он промолчал, обидевшись. Но так и не успокоился, а продолжал гнуть свою линию...

Аргументация в отношении униформы в КГБ была более обстоятельной. Военизация секретной службы не была нашим изобретением. Это проверенный опыт всемирного масштаба. Ни американское ЦРУ, ни британские органы такого же характера не функционировали на основе гражданских предписаний. Для этого был целый ряд причин.

Если КГБ становится гражданской организацией, то не только исчезают погоны, но туда приходят профсоюзы. Результат дискуссии с представителями профсоюза по вопросу, скажем, о проведении острых оперативных мероприятий, о длительных командировках не шли бы на пользу делу и только усложняли работу.

Кроме падения дисциплины и снижения оперативности всей работы изменилась бы и вся шкала наказаний за выдачу государственной тайны и множество иных вещей.

С намерениями Хрущева были не согласны и сами чекисты: ведь погоны давали им определенные и материальные выгоды. В итоге и от этого зависело, на чью сторону они станут.

В конце концов Хрущев согласился с моими аргументами: он отказался от разделения КГБ и на погоны наших работников уже не замахивался.

Что касается присвоения новых генеральских рангов, то тут Хрущев стоял твердо на своем. Присвоение звания полковника было в компетенции председателя КГБ, но для того, чтобы наш сотрудник стал генералом, нужны были решение Совета Министров СССР и согласие Президиума ЦК КПСС, а это значит — Никиты Сергеевича. За весь период, когда во главе КГБ стоял Шелепин, а потом и я, Хрущев не утвердил в генеральском звании ни одного чекиста!

Сколько раз я говорил ему:

— Разве это правильно, что в некоторых регионах Министерство внутренних дел представлено генералом, а КГБ — только полковником?

Полковники руководили управлениями и в центральном аппарате, хотя по штатному расписанию положено замещать эти должности генералами.

Однако мои обращения были безрезультатными. При одном разговоре на эту тему Хрущев даже поставил меня в очень неудобное положение.

— Никита Сергеевич, — начал я уже, наверное, в сотый раз, — нужно присвоить несколько новых генеральских званий.

— Пошли обедать! — обратился он ко мне, не отвечая на мои слова.

Каждый день, кроме выходных, члены Президиума ЦК, проживавшие в Москве, обедали в Кремле. Их коллеги из других городов в этих столованиях участвовали только тогда, когда приезжали в столицу. За обедом обсуждалось и много вопросов. Делалось это как бы неофициально, но нередко решались в такой обстановке и очень серьезные проблемы.

Я в этих обедах участвовал редко, да и министр обороны посещал их не часто — только тогда, когда получали приглашение непосредственно от Хрущева.

Начался обед, кто-то отпустил какую-то шутку, раздался смех. Хрущев, решив, видимо, поддержать веселое настроение, в столь же шутливом тоне начал:

— Вот тут пришел ко мне Семичастный и просит, чтобы ему дали генеральское звание.

У его слов был подтекст, и далеко не шутливый, и мне ничего не оставалось, как встать в его речь и свое слово:

— Не для себя прошу генеральские погоны, Никита Сергеевич, и вы это хорошо знаете. Прошу для своих подчиненных.

Но Хрущев продолжал свое:

— Если уж так нужно, то дам тебе свой генеральский мундир поносить, только вот ты в моих штанах наверняка утонешь...

Нет, это был уже не тот Хрущев прежних времен, всегда готовый выслушать, старавшийся помочь тем решениям, которые вели дело к успеху. Тот, прежний Хрущев, ставший во главе партии десять лет назад, чтобы служить своей Родине и не желавший повторения сталинского произвола, отстаивал, кроме всего прочего, и ограничение для любого высшего представителя его пребывания на посту двумя избирательными циклами.

Нынешний Хрущев заботился о своих подчиненных гораздо меньше. Его прежнюю заинтересованность заменили самовлюбленность, самоуверенность и даже высокомерие. Он уже не признавал никаких ограничений.

Свои прежние добрые намерения он отбрасывал одно за другим. Наконец отбросил и ограничение в два выборных срока: Никита Сергеевич Хрущев 1962–1963 годов уже настолько поверил в свою исключительность и неоценимость своих заслуг, что временные рамки для своего пребывания на высших постах в стране для него уже не существовали.

Ряд существенных недостатков и вереница ошибок росли в геометрической прогрессии и к концу 1963 года представляли собой опасно длинный список.

Образно говоря, плод земли под названием «первый секретарь Центрального Комитета КПСС» прошел свой путь развития, как яблоко на дереве. Цвел, рос и созрел! Каждому садовнику известно: если не убрать такой плод вовремя, когда он еще красив и сочен, то он перезреет и сам упадет вниз.

Но «падение» Хрущева могло произойти непредвиденным образом, а главное — привести к непоправимо тяжелым последствиям.

Хрущев как политический деятель, как глава государства исчерпал себя, выработался, кончился. И поэтому его нужно было освобождать.

А что касается «заговора», то пленум его избрал — пленум его и освободил, вот и все!

Дай бог, чтобы побольше было таких пленумов!

Официальная информация о том, что происходит в стране, которая через КГБ поступала первому секретарю, отражала недовольство людей лишь в определенной мере. Во-первых, мы и не ориентировались на сбор жалоб, а во-вторых, руководители наших органов на местах несколько побаивались слишком много «негатива» передавать наверх.

Тем не менее нельзя сказать, что Хрущев был огражден от реальности. С одним из свидетельств того, что в стране не все идет гладко, он имел возможность столкнуться сам в Мурманске, где во время его выступления рабочие открыто роптали. В воздухе носились и откровенно оскорбительные слова¹³.

Все чаще случалось, что во время поездок Хрущева по стране на капот его автомобиля падали не только цветы, но и камни, И это были вовсе не единичные случаи. Хрущев не был слепым: он прекрасно понимал, что все это означает.

Когда были повышены цены на мясо, я информировал его о повсеместном недовольстве. Он утратил контроль над собой и взорвался:

— А ты что думал? Думал, что будут кричать «ура»? Разумеется, люди недовольны...

Прошло едва полгода, как я занял кабинет на Лубянке, когда в июне 1962 года произошли трагические события в Новочеркасске.

Мы в КГБ, конечно, были готовы к протестам людей, но не такого масштаба. Отказ от работы 20–30 человек из-за пересмотра тарифов и роста цен кое-где наблюдался и прежде. Местные власти в таких случаях звонили мне, просили найти зачинщиков и организаторов, «взбаламутивших народ». Я отвечал на эти требования так:

— Кто расценки снизил? Директор? Вот и разбирайтесь с ним, а рабочие здесь ни при чем. И нас в это дело не втягивайте.

В Новочеркасске же с самого начала обстановка приняла угрожающий характер. Все началось с того, что в первой половине 1962 года на Новочеркасском электровозостроительном заводе без согласования с профсоюзами (в который уже раз!) пересмотрели тарифные ставки, в результате чего зарплата рабочих резко снизилась.

К тому же в городе в это время сложилось совершенно нетерпимое положение со снабжением продуктами, особенно мясом и мясными изделиями. Все это совпало с решением правительства о повышении цен на мясо-молочные продукты. Рабочие стали роптать.

1 июня они собрались на митинг во дворе завода и потребовали, чтобы к ним вышел директор. Рабочие высказали ему свое недовольство по поводу плохих условий труда и быта, низких заработков. Тот попытался грубо осадить ходоков, стал разговаривать с ними таким барским тоном, что вызвал возмущение людей.

Во многих цехах была приостановлена работа, заводские гонцы поехали на другие предприятия города в поисках поддержки.

Железнодорожная магистраль была перекрыта. Никого не выпускали и не выпускали из города.

Тогда об этом доложили Хрущеву. Он вызвал в Кремль секретаря ЦК Шелепина и члена Политбюро Кириленко и приказал им срочно лететь в Ростов-на Дону, чтобы разобраться во все на месте.

Была создана комиссия во главе с Шелепиным.

В Ростове посланцев Хрущева встретил секретарь обкома Басов и доложил обстановку. Шелепин с Кириленко отправились в Новочеркасск, но в город их не пустили. Им пришлось остановиться в военном городке под Новочеркасском.

В Москве переполошились, и в Новочеркасск дополнительно направили Козлова, Микояна и моего первого заместителя Захарова.

В городе было объявлено чрезвычайное положение и отдан приказ о вводе войск.

Рабочие тем временем решили идти из Соцгородка в Новочеркасск, к центру города, а это шесть километров. Впереди толпы — портрет Ленина, в руках людей — красные знамена. В толпе много женщин и детей.

На подступах к городу безоружные солдаты, взявшись за руки, перегородили им дорогу. Хрущев приказал командующему военным округом генералу Плиеву оружие ни в коем случае в ход не пускать.

Николай Захаров постоянно докладывал мне об обстановке по телефону. Микоян из городского радиоузла обратился к населению, пытаясь успокоить возмущенных людей. Он обещал разобраться и навести порядок в ценах и тарифах, приглашал выделить делегатов для переговоров. Говорил, что действует от имени руководства ЦК КПСС и самого Хрущева.

Неожиданно во время его выступления толпы людей стали подступать к радиоузлу, и Захарову пришлось в спешном порядке эвакуировать Микояна.

Толпа прорвала оцепление, прошла к центру города, ворвалась в здание горкома партии, разгромила помещение, и всех, кто в это время находился в здании, стали выбрасывать со второго этажа в окна на тротуар. Пострадал при этом и приехавший в командировку в Новочеркасск заведующий идеологическим отделом ЦК партии Степаков — его тоже выбросили из окна. Захарову пришлось спасаться из горкома, спускаясь по водосточной трубе.

Какие-то лихие ребята добрались до телефона прямой связи и попытались дозвониться до Хрущева. На улице хулиганы принялись бить витрины и частные автомашины. Некоторые горячие головы напали на бронетранспортеры, выбросив оттуда экипажи, сели за рычаги управления, прорвали оцепление и двинулись к зданию милиции и КГБ: собирались, видимо, вызволять арестованных.

Когда и почему начали стрелять? Возможно, при осаде толпой здания милиции кто-то из милиционеров не выдержал и выстре-

лил. Началась пальба. На месте погибли 20 человек, и четверо скончались от ран в больнице.

До сих пор так и не выяснено, кто начал стрельбу. Но я могу еще раз подтвердить, что приказа стрелять по людям никто из руководства страны, города или штаба Северо-Кавказского округа не отдавал. Генерал Плиев вообще без энтузиазма отнесся к требованию Кириленко немедленно ввести войска. Он не хотел втягивать их в это противостояние.

В сложившейся обстановке очень агрессивно повел себя Козлов. Он требовал арестовать тысячу человек и расстрелять каждого десятого. Шелепин категорически воспротивился этому и стал звонить Хрущеву. Тот Козлова «отматерил».

Впоследствии мы восстановили всю картину возмущения рабочих, подогревавшегося подстрекателями. Помогло то, что все три дня чекисты снимали кинокамерами и фотографировали все, что происходило в толпе.

Арестовали и предали суду активистов. Одних судили за организацию выступления и антисоветские призывы, других — за бандитизм, третьих — за нападение на представителей властей. Интересно, что большинство активных «повстанцев» были судимы ранее, причем некоторые из них — не один раз.

Правда, часть обвинений — «кулацкое прошлое», «выходец из семьи казачьего атамана» — представляется мне притянутой за уши.

Убитые не были захоронены тайно, как это иногда говорят в наших СМИ. Погибшие были переданы родственникам, и те хоронили их по своему усмотрению.

Случившееся в Новочеркасске было воспринято как общее горе, общая беда и как предупреждение, что нельзя обращаться с людьми по-барски, как с бессловесной рабсильой.

Были сделаны выводы: лишились своих постов директор завода, руководители горкома партии и первый секретарь обкома.

К чекистам особых претензий не было.

После этого события у многих стало складываться убеждение, что от Хрущева стране дальше ничего хорошего ждать не приходится.

В конце 1963 года ропот и критические реплики уже раздавались и на высшем уровне. Не настолько, правда, громко, чтобы долетать и до ушей Хрущева, однако говорили уже не шепотом и не за закрытыми дверями, как раньше.

Критики Хрущева считали, что высший партийный и государственный руководитель все больше отклоняется от правильного пути. Он уже не прислушивался к окружающим, зазнался.

Те самые люди, которые с воодушевлением помогали ему вначале, славил его, ныне, наоборот, всеми силами старались его

неутомимый натиск притормозить, и даже в моем присутствии они не замолкали.

Первыми из членов Политбюро стали обсуждать создавшееся положение второй человек в партии Леонид Ильич Брежнев и секретарь Центрального Комитета Николай Викторович Подгорный: с Хрущевым уже невозможно работать — таков был их вывод.

Однако перейти от слов к делу было не так просто.

Оба начали прощупывать почву вокруг себя. Будучи опытными людьми, они понимали, что, не обеспечив себе поддержку КГБ, им не удастся осуществить свой замысел — произвести замену главы государства и первого секретаря ЦК КПСС.

Когда в один прекрасный день я вошел в кабинет Брежнева, то сразу заметил, что Леонид Ильич чувствует себя более неуверенно, чем когда-либо раньше. Он пошел мне навстречу, пригласил сесть и начал разговор издали. Очень осторожно и сверх меры мягко.

— Как ты сам понимаешь, чувствуешь и видишь, положение в стране трудное, — начал он на ощупь. — Запустили мы заботу о простом народе, забросили партийный актив; много проявлений несогласия, — признал он самокритично.

Отношения, которые сложились у нас с ним до той поры, были приятельскими, но в определенной мере и официальными, так, что идти прямо к сути дела он не мог.

Поэтому остановился именно там, где и намеревался: надо созвать пленум Центрального Комитета и освободить Никиту Сергеевича от его поста.

Я отреагировал так, как в тот момент считал правильным: по сути дела — никак. Сказал, что надо подумать, все взвесить, посоветоваться, а уже потом решать. На том мы и разошлись.

Однако мне самому для размышлений много времени не требовалось. Я понимал, о чем идет речь, и внутренне разделял стремление добиться перемен. Ведь никто не хотел вернуться к сталинским порядкам, а, наоборот, установить коллективные формы руководства и совершенствовать их.

Мой следующий разговор с Брежневым проходил уже при участии членов Политбюро Подгорного и Шелепина. Предмет обсуждения был намного конкретнее: обсуждались практические вопросы обеспечения всей акции со стороны КГБ.

Согласно результатам предварительных разговоров главных действующих лиц и одновременно высших деятелей антихрущевской оппозиции Брежнева и Подгорного предложение о замене первого секретаря должно было получить значительную поддержку у большинства членов ЦК, а также и в самом Президиуме.

Оставалось еще два момента: определить время, место и способ действий и одновременно получить поддержку плана со стороны министра обороны Малиновского. Никому не хотелось оказаться под конец в положении Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Хрущев все же был Верховным Главнокомандующим, и хотя открытое столкновение с ним было в высшей степени неправдоподобным, тем не менее и такой вариант до последней минуты исключать было нельзя.

О конкретных договоренностях между политиками я не имел четкого представления, хотя через наше Девятое управление, занимавшееся охраной членов правительства, был осведомлен о большей части их встреч. Но я не был членом Президиума, а поэтому и в формировании оппозиции активного участия не принимал.

Весной 1964 года первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев отмечал свое семидесятилетие. По этому торжественному случаю к нему приходили с поздравлениями все руководящие советские представители. Десятками поступали юбиляру в Москву послания и из других стран социалистического содружества, от глав государства и их партийных руководителей, а также от многих государственных деятелей со всего мира.

В бесконечных тостах, в приветственных речах заслуги Никиты Сергеевича Хрущева высоко оценивались и восхвалялись. Да и как же иначе? Круглая дата не располагает к объективному глубокому анализу, а уж к разбору конфликтных политических моментов — тем более.

Тех, кто знал в тот момент, что семидесятилетие Хрущева станет его последним торжеством на посту высшего государственного и партийного деятеля, было пока не очень много. Я же относился к группе посвященных. Я слушал оды в честь юбиляра, неумеренные восхваления, в частности, Брежнева, и пытался одновременно читать по лицам, что же на самом деле все эти люди чувствуют.

Вел я внутренний разговор и со своей собственной совестью.

Это правда, что Н. С. Хрущев во многом мне в жизни помог. И я никогда не забывал всего, что он для меня сделал. Мое тогдашнее неприятие касалось лишь его более позднего политического развития, а именно оно заслуживало и неприятия, и отзыва с должности. <...>

